

КОНЦЕПТЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАСПОРЫ В КЛАССИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ВИДЕ

В статье анализируется феномен диаспоры сквозь призму социологического мировоззрения. Операционально определяются и интерпретируются понятия диаспоры и транснационального пространства. Приводятся ключевые характеристики классических и современных диаспор. Диаспоры рассматриваются в качестве одной из наиболее организованных разновидностей транснациональных сообществ.

Ключевые слова: диаспора, этносоциальная группа, транснациональное пространство, национальное самосознание, национальная самоидентификация, миграция.

Человечество состоит из большой палитры этнических общностей, где каждая общность проявляет свою особенность через специфику географического положения, климатических условий, вероисповедования, социальной структуры и т. д. Не случайно, что уже в Древней Греции межэтнические отношения стали важным предметом исследований. «Отца истории» Геродота параллельно называют и отцом этнологии – науки об этническом разнообразии человеческих культур, поскольку в своем монументальном труде он уделяет много места данному вопросу.

Россия – многонациональное государство, где русские составляют 82% от общего состава населения. В мире найдется немного государств, где доля основного этноса была бы столь велика. Но тем не менее этническая структура Российской Федерации очень разнообразна и включает в свою палитру более ста этнических общностей.

Сегодня миграционные потоки на территории России привели к активизации этносов как субъектов и объектов этнополитических процессов. Поэтому для России этнический фактор играл и будет играть немаловажную роль. При развитии национальных и федеративных отношений постепенно выделяется фактор особой этнической группы – диаспоры, претерпевающей пору оживления и обострения национального самосознания и национальной самоидентификации. Обретение стабильных жизненных условий и перспектив этнического существования – такова цель, преследуемая переселяющимися группами или соединениями (семьи, родственные объединения), которым приходится выстраивать собственную нишу в новой социокультурной среде, пройти необходимые стадии адаптации. Это сложный и бо-

лезненный процесс, вызывающий отрицательную реакцию не только этнического большинства, но зачастую и прежде сложившихся диаспор, уже устроившихся в существующие социальные и межэтнические связи.

Этносоциальные группы или диаспоры, меняют количественные и качественные показатели ранее сформировавшихся переселенческих групп, что может привести и приводит к изменению функций, роли и значимости, последних в местах дислоцирования. Вместе с тем диаспора распространяет и углубляет свои функции, политизируется, стараясь превратиться из традиционного субъекта культуры в субъект права и политики. Она по-прежнему реализует традиционные формы бытия – землячества, национально-культурные общества, но в то же время использует новые организационные структуры и формы: съезды, конгрессы, форумы, союзы внутри российского и международного значения. Диаспора естественным способом становится связующим звеном в строительстве межнациональных и международных отношений, так как, развиваясь и укрепляясь, превращается в объект и субъект политического процесса.

Диаспоры или этносоциальные группы, пройдя определенный исторический путь, в процессе социализации из (малых) социальных групп превратились в социально важные институты страны. Можно сказать, что процесс трансформации и/или институционализации они прошли вполне удачно и заняли свое достойное место в обновленной структуре современного российского общества.

В последние годы термин «диаспора» стал общепотребительным и используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разно-

родных явлений, что, в свою очередь, говорит о популяризации термина и заставляет задуматься о выработке его определения. Термин «диаспора» существует издавна. Он не имеет строгой или универсальной дефиниции и определенно используется только по отношению к одной (еврейской) диаспоре и эпизодически еще к нескольким. В настоящее время термин «диаспора» используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений. Частота употребления этого термина существенно возросла. В связи с этим смысл, вкладываемый в слово «диаспора», меняется в зависимости от того, кто его использует. Нередко оно употребляется с негативным контекстом. Понятие «диаспора» используется как родственное для таких явлений, как этнические меньшинства, беженцы, трудовые и экономические мигранты и т. д. В конечном счете, речь идет о любых группах мигрантов, т. е. о людях, по тем или иным причинам оказавшихся вне страны своего происхождения.

Что касается происхождения греческого термина «diaspora», то он образован от глагола «diaspeirein» «рассеивать(ся), рассыпать, раздавать, расточать», состоящего из приставки dia- и глагола speirein «сеять, засеивать, сыпать». Существительное «diaspora» впервые засвидетельствовано в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии, именно в значении «рассеяние евреев среди язычников». Впоследствии это слово упоминается у Плутарха, Филона Александрийского и позднее у христианских авторов. В отечественных и зарубежных энциклопедиях и энциклопедических словарях отмечается, что понятие «диаспора» возникло для обозначения и осмысления формы и способа многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества различных народов, культур и религий [8, с. 24–33]. В «Британике» этот термин трактуется только через призму еврейской истории и относится только к жизни этого народа. Диаспорой называлась общность граждан древнегреческих городов-государств, мигрировавших на вновь завоеванные территории с целью колонизации и ассимиляции последних. Подобные методы расширения жизненного пространства были характерны для некоторых древних семитских народов (финикийцы, евреи). Однако позже слово диаспора стало использоваться почти исклю-

чительно для обозначения еврейского рассеяния. Другие энциклопедические словари и справочники добавляют обычно, что со временем термин стал употребляться расширительно, для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения, в новых для себя местах, нередко на положении национально-культурного меньшинства. Этой же позиции придерживается и В. Дятлов [4, с. 8–23]. В последние годы, однако, именно это производное значение становится наиболее употребительным. Такое понимание сформулировано, например, Г. Шеффером. С его точки зрения, диаспоры образовались путем насильственной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины. Они живут в принимающих странах на положении меньшинств, сохраняют свою этническую или этно-религиозную идентичность и общинную солидарность. Схожую дефиницию дают Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова: «Диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [14, с. 37]. Имеются и более широкие толкования понятия диаспоры как части народа, проживающей вне страны происхождения. Иногда же диаспора становится просто синонимом эмиграции или национального меньшинства. Например, Ю.А. Поляков обращает особое внимание на близость понятия диаспоры с термином «национальное меньшинство». В.А. Тишков определяет термин диаспора с точки зрения устойчивости связей с исторической родиной: «диаспора – это культурно отличительная общность на основе представлений об общем происхождении и вытекающих отсюда коллективных связях, солидарности и демонстрируемого отношения к родине» [13, с. 2–3]. Большинство авторов рассматривает диаспору не только и не столько как общность, жестко очерченную демографическими и этнокультурными границами, но, и даже скорее, как стиль жизненного поведения.

Проанализируем основные концепции, применяемые для исследования понятия диаспоры в классическом и современном виде. Большинство ученых относят к классическим диаспорам лишь одну – еврейскую, реже армянскую

и цыганскую. Таким образом, еврейская диаспора становится едва ли не единственным критерием, по которому принято сверять все остальные расселения на предмет их соответствия термину «диаспора». Опираясь на опыт изучения еврейской диаспоры, попытаемся проанализировать несколько наиболее известных концепций классической диаспоры.

Одну из таких концепций предлагает А. Ашкенази, который следующим образом определяет основные стратегии еврейской диаспоры.

Первая стратегия заключается в подвижности, когда многие члены сообщества (как добровольно, так и вынужденно) всегда имели и использовали возможность географической смены политической единицы, в частности, переселяясь из одной страны (общины) в другую.

Вторая стратегия – построение сети коммуникаций. Для того чтобы оставаться живой, активно функционирующей диаспорой, евреям были необходимы действующие коммуникационные сети между различными общинами. Причем отличительной особенностью еврейской диаспоры всегда было то, что она постоянно находилась в коммуникационных центрах соответствующей политической единицы, будь то нынешний Нью-Йорк или античный Рим. Это позволяло не только поддерживать контакты между общинами, но и иметь определенный вес и влияние в принимающей стране, что в принципе было не характерно для позиции обычного этнического меньшинства.

Третья стратегия заключается в построении интуитивного коммуникативного кода. Имеется в виду цельный культурный коммуникативный код с собственной символикой, который одинаковым образом читается всеми членами диаспоры, понимается и ощущается ими. Идея единства и общей исторической судьбы передавалась из поколения в поколение удивительно успешно, невзирая на всевозможные географические, социальные и временные препятствия.

Четвертая стратегия заключается в имманентном политическом конформизме. Преимуществом наличия тесных связей и организаций по всему миру предлагались соответствующим правителям или правительствам, как правило, в важнейшем центре сосредоточения власти того или иного государства. Одновременно имел место недостаток собственной этнической и религиозной претензии на власть. Кроме того, еврей-

ские общины могли успешно функционировать лишь в государствах, обеспечивающих определенный этнический или мультирелигиозный универсализм. В прошлом это относится к Римской, Османской, Габсбургской и Российской империям. В настоящем в данную категорию попадают страны, которые считаются иммигрантскими или изначально полиэтническими (например, США, Великобритания или Россия).

Пятая стратегия состоит в низком демографическом представительстве. Евреи никогда не образовывали большинства в регионах их проживания. Диаспора, которая становится численно доминирующей, укореняется и становится способной контролировать определенный географический регион, что обычно приводит к потере связи со страной исхода. В ней активизируются процессы ассимиляции или, по крайней мере, наблюдается симбиоз своей и чужой культуры. С еврейской диаспорой такого никогда не случалось, хотя она часто составляла самое многочисленное меньшинство в политических структурах стран, которые ее «приютили», и пользовалась там культурной и политической автономией. Однако еврейская диаспора никогда не была многочисленна до такой степени, чтобы представлять для принимающей страны угрозу «демографического наводнения».

Шестая стратегия заключается в наличии связующего мифа, который выражается в сильном тяготении к стране исхода. По мнению А. Ашкенази, миф лишен всякого прагматического содержания и никогда не представлял какой-либо опасности для доминирующего населения и его правительств, однако всегда являлся одной из важнейших характеристик диаспоры.

Существенное место в исследованиях проблем диаспоры занимает анализ ее основных характеристик. Так, например, У. Сафран выделяет следующие основные характеристики диаспоры.

Первой характеристикой является рассеивание из единого центра в две или более «периферийных» области или иностранных региона. Члены диаспоры или их предки были вынуждены покинуть страну (регион) своего первоначально проживания и, как правило, относительно небольшими частями переселиться в другие места.

Вторая характеристика – коллективная память о стране происхождения и ее мифологи-

зация. Члены диаспоры сохраняют коллективную память, видение или миф о своей первоначальной стране исхода, ее географическом положении, истории и достижениях.

Третьей характеристикой является ощущение своей чужеродности в принимающей стране. Члены диаспоры полагают, что они не являются и не могут быть полностью приняты обществом этой страны и, следовательно, чувствуют себя отчужденно и изолировано.

Четвертая характеристика – стремление к возвращению или миф о возвращении. Члены диаспоры считают страну исхода своим родным и идеальным домом; тем местом, в которое они или их потомки в конечном итоге вернутся, когда условия будут подходящими.

Пятой характеристикой является оказание помощи исторической родине. Члены диаспоры преданы идее всемерной поддержки страны исхода и полагают, что им следует сообща взяться за это и тем самым обеспечить ее безопасность и процветание.

Шестая характеристика – сохраняющаяся идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности [18, с. 148]. Основным в концепции У. Сафрана является отношение к стране исхода, причем особого внимания заслуживают связи по линии «страна исхода – страна поселения – диаспора».

Одним из аспектов характеристик диаспоры являются ее элементы. Концепция, предложенная Х. Тололяном, концентрирует внимание на элементах, в которых, по мнению автора, отражена суть феномена еврейской диаспоры. Диаспора формируется вследствие принуждения к выселению. В результате этого за пределами страны происхождения оказываются большие группы людей или даже целые общины. Одновременно может иметь место добровольная эмиграция индивидов и малых групп, что также приводит к возникновению анклавов в принимающих странах. Основа диаспоры – сообщество, которое уже обладает ясно очерченной идентичностью, сформированной в стране исхода. Речь идет о сохранении и непрерывном развитии первоначальной и «единственно верной» идентичности, несмотря на возможность появления новых форм самоидентификации. Диаспорной общиной активно поддерживается коллективная память, которая является осно-

вополагающим элементом ее самосознания. В случае с еврейской диаспорой коллективная память воплощена в текстах Ветхого Завета. Такие тексты или воспоминания могут впоследствии стать ментальными конструкциями, служащими для сохранения цельности и «чистоты» идентичности. Как и другие этнические группы, общины диаспоры сохраняют свои этнокультурные границы. Это происходит либо по собственной воле, либо под давлением населения принимающей страны, которое не хочет ассимилировать их, либо благодаря тому и другому. Общины заботятся о поддержании связей друг с другом. Такие связи часто носят институционализированный характер. Взаимодействие, включающее переселение и культурный обмен между первичными общинами, ведет, в свою очередь, к постепенному зарождению вторичных и третичных диаспор. Члены сообщества продолжают воспринимать себя как семью и, в конечном счете, если концепция исхода перекрывается национальной идеей, рассматривают себя как единую нацию, рассеянную по различным государствам. Общины стремятся к контактам со страной исхода. Недостаток в подобных контактах компенсируется общеразделяемой лояльностью и сохранением веры в мифическую идею возвращения. В рамках еврейской модели мечты о возвращении являются неотъемлемой частью диаспорного сознания.

Как мы видим, некоторые характеристики во всех концепциях согласуются и дополняют друг друга. Например, в концепции Х. Тололяна выделяется положение о насильственном характере переселения. Как пишет В. Попков: «Действительно, в большинстве случаев оно проходило под внешним давлением, однако «принуждение к переселению» здесь следует понимать не только как прямое физическое вытеснение этнической группы с уже освоенной территории, но и как применение мер экономического и, вероятно, политического воздействия» [11, с. 21]. Также следует отметить, что идея связующего мифа кажется характерным признаком не только классических, но и новых диаспор. Это подразумевает идею о наличии «дома» у членов диаспоры – каждый из них может уехать (соответственно, может быть выслан) «домой», на «историческую родину». Важно положение концепции Х. Тололяна о коллективной памяти как об основополагающем эле-

менте идентичности диаспорной группы. Такого же мнения придерживаются М. Дабат и К. Платт, говоря о том, что самосознание и самоопределение себя в качестве диаспоры в большой степени связано с коллективной памятью, соединяющей локальные общины. Коллективный опыт и коллективные воспоминания предотвращают «культурное забывание» и сохраняют диаспору, как целое. Тезис о поддержании связей между общинами в концепции Х. Тололяна частично совпадает с идеей А. Ашкенази о коммуникационных сетях диаспоры. Различие заключается, прежде всего в том, что А. Ашкенази особо выделяет способность еврейской диаспоры к интенсивной коммуникации. Данный пункт предопределяет транснациональный характер диаспоры. Уже сам факт пребывания частей той или иной этнической группы как минимум в двух странах позволяет сделать вывод о наличии транснациональной сети отношений. Несомненно, в настоящее время это характерная черта если не всех, то подавляющего большинства как классических, так и современных диаспор. По мнению некоторых авторов, транснациональность диаспоры составляет ключ к пониманию ее сущности [11, с. 23].

Очевидно, что приведенные выше описания еврейской диаспоры не содержат в себе полного перечня критериев, посредством которого можно было анализировать этнические общности. Кроме того, такие критерии пока не имеют в науке четкого определения. Необходимо также учитывать, что диаспора – динамичное социальное явление, при этом речь следует вести о процессах трансформации самой диаспоры, которая, сохраняя себя, вынуждена постоянно изменяться в ответ на внутренние и внешние воздействия. Данные концепции предлагают ряд диаспорных признаков, по которым можно было бы хотя бы условно характеризовать данную этническую общность как диаспору. Как было указано выше, некоторые основные характеристики актуальны не только для классических диаспор, но и для многих современных общностей. Попытаемся разобраться в современных диаспорах и проанализируем основные черты, присущие данным этническим рассеяниям.

В центре понятия диаспоры лежит образ перемещения, переселения. Однако не всякое переселение может быть представлено как диаспора. Например, разовое перемещение или времен-

ное пребывание в другой стране диаспорами не являются. Диаспоры – это места долгосрочных, если не постоянных формирований общности, которые объединяются как различные компоненты рассеянной группы, создавая экономические, политические и культурные взаимосвязи, составляющие ее основу. Одной из ключевых характеристик для диаспоры является проблема определения «дома», «родины» (места исхода). В.А. Тишков подчеркивает, что основой, на которой возникает феномен диаспоры, является история группы и ее культурная отличительность. При этом указанный признак является необходимыми, но не достаточными, чтобы считать какое-то объединение людей диаспорой. Однако если данные характеристики отсутствуют, то нельзя вести речь о диаспоре. Принимая это во внимание, автор полагает, что диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемой на этой основе групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Подчеркивая, что диаспора является политическим явлением, В.А. Тишков считает, что «диаспору следует понимать как результат личного выбора и сложившейся ситуации. Можно сказать, что диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более, этническая реальность...» [12, с. 50].

Важной характеристикой диаспоры является ее граница. Диаспорами могут считаться только те этнические рассеяния, которые находятся за пределами государства исхода. Политические лидеры диаспоры сохраняют тесные связи с государством страны исхода. Причем, природа и диапазон вовлеченности диаспор в дела страны исхода зависит в большой степени от размера и многообразия диаспорных общин. Но обычно бывает очень трудно узнать размер диаспоры, ее состав, размещение, и особенно, степень ее вовлеченности в политику страны исхода.

Ключевая роль в образовании диаспор отводится диаспорной идентичности. Например, М. Дабаг и К. Платт рассматривают диаспору как общественную модель, которая создает идентичность, общественные институты, а также вводит коллективные ориентиры. Стиль жизни диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций, современности, опыта и воспоминаний; а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех акторов отношений:

диаспоры, принимающей страны и страны исхода. Кроме того, диаспора означает не только проживание в чужой стране, но и постоянное состояние отчужденности в этой стране, выражаемое как жизненное предопределение. Жизнь в диаспоре означает необходимость находиться в поле напряженности различного исторического опыта и социальной действительности [16]. Важно подчеркнуть, что диаспора создает идентичность не только на основании своих воспоминаний, но также на основе новых элементов реального общества. Таким образом, как мы видим критерии присущие современным диаспорам, во многом перекликаются с характеристиками классических общностей.

Итак, вышеизложенные подходы учитывают различные аспекты, определяющие феномен диаспоры. Можно отметить стремление диаспор к сохранению контактов со страной исхода и вовлечение их в политическую жизнь бывших родин, создание социальных институтов и организаций, позволяющих диаспорам успешно функционировать, определение диаспорной идентичности, создание сетей связей. Важным представляется тот факт, что сама организация диаспоры может простирается далеко за пределы одной страны. В этом случае речь идет о создании сети социальных институтов диаспоры в различных странах и о транснациональных пространствах. Большинство ученых сходятся во мнении, что можно вести речь о «пространстве диаспоры», которое охватывает не только членов диаспорной общины, но и представителей принимающей страны, что подтверждает попытку диаспор основывать трансгосударственные сети, объединяющие зарубежные общины между собой. Тесно связан с процессами возникновения и формирования диаспор феномен миграции во всех его проявлениях.

Многие члены современных диаспор живут в принимающей стране, сохраняя тесные связи со страной исхода. Именно это, как было рассмотрено, является ключевым показателем диаспорной принадлежности. Ханнерс в своей работе «транснациональные связи» определял, что используя личные и профессиональные контакты для сохранения связей с исторической родиной, члены диаспоры имеют возможность «проживания» сразу в нескольких культурах, способствуя глобализации таких этнических анклавов, и выдвигению на первый

план единых социально – этнических образований, которые получили название транснациональных пространств. Такие транснациональные социальные образования укрепляются посредством отношений, возникающих между странами миграции и эмиграции и благодаря самой сути диаспоры как этнической общности, одновременно существующей в нескольких странах. Понятие транснационального пространства можно определить как множество сетей связей между отдельными социально-этническими общностями, проживающими за пределами своих исторических родин. Такие социально – этнические общности сохраняют устойчивые отношения с принимающей страной и страной исхода и характеризуются массовыми перемещениями человеческих, информационных, экономических и других ресурсов.

Позиция многих ученых по вопросу образования транснациональных пространств во многом сходна. Ключевую роль в возникновении таких образований играют этнические сети связей, возникающие посредством непрерывных миграционных процессов. На наш взгляд, скорость протекания таких процессов находится во взаимозависимости с образованием этнической сети связей, поскольку скорость миграционных процессов напрямую зависит от степени развитости сети связей между странами миграции и эмиграции. Другими словами, она зависит от степени развитости диаспоры. В качестве примера можно привести США, в которой мексиканская диаспора является одной из самых многочисленных. При этом скорость протекания миграционных процессов из Мексики в США оценивается С. Хангтинтоном следующим образом: «Ежегодное вторжение более миллиона мексиканцев является угрозой безопасности американского общества.... Это угроза нашей культурной целостности, нашей национальной идентичности и потенциальная угроза нашему будущему как страны». Конечно, скорость миграционных процессов зависит не только от степени развитости диаспоры, но и от разницы в уровне жизни между странами.

Все вышеизложенное делает актуальной проблему соотнесения понятий диаспора и транснационального пространства. Таковую попытку осуществил Т. Файст [17, с. 200]. Ученый полагает, что современные процессы глобализации способствуют развитию ряда условий,

тесно связывающие различные общности внутри или между национальными государствами. К таковым он в первую очередь относит перемещение мигрантов и беженцев и появление миграционных сообществ. При этом связи, которые устанавливаются между собой мигранты, беженцы и миграционные сообщества в экономике, политике и культуре, образуют транснациональные пространства. Кроме этого, транснациональные пространства могут состоять из комбинаций социальных и символических связей, их содержания, а также позиций общества и организаций. Т. Файст отмечает, что транснациональные пространства обозначают в первую очередь динамические процессы, заключающиеся в протекании постоянных миграционных потоков и перемещении ресурсов. Реальность транснациональных пространств автор обуславливает уже тем, что усиливается контроль со стороны государства за возможными сферами деятельности, в которые вовлечены этнические группы в пространствах. В качестве важной составляющей, которая формирует транснациональные пространства, Файст выделяет отношения, возникающие между пятью основными акторами: правительством иммиграционного государства, гражданским обществом в стране иммиграции, правительством эмиграционного государства, группами гражданского общества в стране эмиграции и транснациональными группами (мигрантами, беженцами, миграционными сообществами).

Формирование транснациональных пространств можно разбить на два этапа. Первое поколение мигрантов, переезжающее на «новую родину» формирует транснациональное пространство на первом этапе. Благодаря тому, что мигранты не разрывают связи со страной исхода после переезда, сохраняя и выстраивая отношения таким образом, что возникает явление цепочечной миграции, появляются устойчивые связи между отдаленными этническими общностями. Кроме того, такие связи начинают обрастать взаимоотношениями с различными группами, организациями и институтами в странах рождения и проживания, готовя базу для формирования новых этнических сообществ, которые можно соотносить с понятием диаспоры, используя описанные выше характеристики. На втором этапе развитие транснациональных пространств происходит за счет последующих поко-

лений мигрантов, которые трансформируют связи между исхода и принимающей страной, развивая и видоизменяя их, например, путем совмещения культурных факторов [17, с. 202]. Такое комбинирование может отражаться на изменении стиля жизни, путем принятия традиций принимающей страны.

На основе вышеизложенного выделяется три типа транснациональных пространств. Первый тип – транснациональные малые (родственные) группы. Взаимодействие в таких группах характерно для мигрантов первого поколения. В данном случае миграция связана с улучшением финансового положения, то есть имеет экономический характер. В качестве примера можно привести транснациональные группы трудовых мигрантов из бывших союзных республик, приезжающих на заработки в Москву и отсылающих деньги своим родственникам в страну исхода. В данном случае транснациональные связи ограничиваются взаимодействием в транснациональных семьях, а также взаимодействием таких семей друг с другом. Широко распространенными примерами транснациональных малых групп являются семьи, где родители и дети живут в разных странах, а также супруги, имеющие работу в разных странах и вынужденные общаться по телефону или интернету. Существование данного типа транснациональных пространств непродолжительно. Оно прекращается, когда члены группы оседают в какой-либо стране или умирают.

Второй тип – транснациональные сети связей. Такие связи характеризуются постоянной циркуляцией людей, товаров, услуг и информации через границы национальных государств. Предприниматели, ведущие международный бизнес, создают и укрепляют данные сети связей. При этом они используют качества, необходимые для успешной социоэкономической адаптации к новым условиям принимающей страны и одновременно быстрой реинтеграции в стране исхода. По нашему мнению, уже на этом этапе проявляются отдельные диаспорные характеристики, способствующие адаптации и подготавливающие материальную, юридическую и социокультурную базу для успешного ведения бизнеса и пересечению культурных и национальных границ.

Третий тип – транснациональные сообщества. Транснациональные сообщества характе-

ризуются тем, что мигранты и оставшиеся в стране исхода связываются крепкими социальными и символическими узлами через время и пространство в сообщества и сети связей, как между несколькими странами, так и внутри этих стран. Необходимым условием является то, что такие сообщества связывались через обмен, взаимодействие и солидарность, достигая высокого уровня социальной сплоченности и вырабатывая общий набор символических представлений. Примером сообществ третьего типа могут являться диаспоры [17, с. 208]. Вместе с тем, Т. Файст считает, что транснациональные сообщества могут быть названы диаспорой только в том случае, если их члены сохраняют и поддерживают значительные социальные и символические связи с принимающей страной. В противном случае сообщество, которое нельзя назвать диаспорой, концентрирует всю свою энергию на стране происхождения, живя мифом о возвращении на свою истинную родину. В качестве примера, следуя логике этих рассуждений, можно привести «белую эмиграцию» из России в США в начале XX в., считавшуюся первой волной эмиграции, которая не являлась диаспорой. Это подтверждается многочисленными исследованиями. Например, Э. Лозанский считает, что сообщество русских эмигрантов первой волны не образовывало диаспору [6, с. 233]. На наш взгляд, прочные связи с принимающей страной могут характеризоваться наличием лобби, так как одной из основных функций диаспоры является отстаивание своих интересов в принимающей стране. Например, классические диаспоры, такие как еврейская или армянская, как правило, образуют мощное лобби во всех представительных органах власти и имеют большое влияние в важнейших официальных и не официальных структурах.

Как мы видим, основой подхода Т. Файста в изучении транснациональных пространств является миграция во всех ее проявлениях. Автор делает попытку объяснить понятие диаспоры с помощью более широкого понятия транснационального пространства, вычлняя диаспору как наиболее устойчивое сообщество миг-

рантов, имеющих набор особых связей, позволяющих ей успешно функционировать. Отдельные характеристики диаспоры начинают проявляться на втором уровне транснациональных пространств – транснациональные сети связей, однако в полном объеме диаспорными признаками обладают транснациональные пространства третьего уровня. Транснациональные пространства и диаспоры соотносятся таким образом, что все диаспоры являются транснациональными пространствами, но не всякое транснациональное пространство – диаспора.

Следует отметить попытку Т. Файста упорядочить отношения между диаспорой и другими формами сообществ мигрантов. Автор делает это путем выделения диаспоры как одной из форм транснациональных сообществ. При этом транснациональные пространства охватывают практически все формы отношений и взаимодействий, продолжающихся не одно поколение и вовлекающих большое количество мигрантов.

Подводя итог можно сказать, что в центре внимания постоянно остается вопрос формирования транснациональных пространств через цепь миграционных перемещений. Поэтому сами транснациональные пространства появляются и преобразуются там, где протекают миграционные потоки. При увеличении таких потоков в определенный момент сами транснациональные пространства начинают трансформироваться и качественно изменяться. Именно так происходит преобразование транснациональных пространств из первого уровня – родственных групп во второй – сети связей, а затем и в третий наиболее развитый и устойчивый уровень – транснациональные сообщества.

Таким образом, рассмотрение диаспоры как наиболее устойчивого и организованного вида транснационального пространства представляет собой один из теоретических подходов к исследованию понятия диаспоры. На основе анализа уровня развития и характеристик таких транснациональных пространств можно судить, является ли этническая общность за пределами своей родной страны диаспорой или нет.

26.04.2013

Список литературы:

1. Ардашкин, И.Б. Социальные проблемы нормализации межэтнических отношений: Учебное пособие. – Томск: Изд. ТПУ, 2002. 125 с.
2. Арутюнян, Ю.В. и др. Этносоциология: Пройденные и новые горизонты // Социсс. – 2000.. – №4. – С. 11– 22.

3. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Москва: Наука. – 1997. 296 с
4. Дятлов, В.И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. – №1. – С. 8–23.
5. Казьмина, О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. М., 1997.
6. Лозаннский, Э.Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. М., 2004. – 272 с.
7. Мархинин, В.В., Удалова, И.К. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск, 1996.
8. Милитарев, А.О. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. №1. С. 24–33.
9. Сикевич, З.В. Социология и психология национальных отношений. Учебное пособие. СПб., 1999.
10. Сухарев, В.А., Сухарев М. В. Психология народов и наций. Днепропетровск, 1997.
11. Попков, В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИНФРА-М. – 2003. 654 с.
12. Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2009. – №2. – С. 43–63.
13. Тишков, В.А. Конференция в Москве: «Российская диаспора в XIX – XX вв.: выживание или исчезновение?» (20–21 апреля 1999 г.) // Диаспоры. 1999., №2–3.
14. Тощенко, Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – №12. – С. 33–42.
15. Шпет, Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Наука. – 1996. 296 с.
16. Dabag M., Platt K. Diasporas und kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // Identitäten der Fremde / M. Dabag, K. Platt (Hg.). Bochum, 1993. S. 131.
17. Cohen, R. Global Diasporas: An introduction. L., 1997. P. 228.
18. Faist, Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford, 2000. P. 380.
19. Safran, W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. – 1991. – V. 1 – №1. – P. 148 – 235.

Сведения об авторе:

Осепян Анна Карленовна, преподаватель кафедры философии науки и социологии
Оренбургского государственного университета, магистр социологии
460018, г. Оренбург, пр. Победы 13, тел. (3532) 372570, e-mail: anna.osepyan@gmail.com

UDC 314.7:316.347:316.356.4

Osepyan A.K.

Orenburg state university, e-mail: anna.osepyan@gmail.com

CONCEPTS AND CHARACTERISTICS OF DIASPORA IN CLASSIC AND MODERN FORM

The paper analyzes the phenomenon of diaspora through the lens of the sociological outlook. Operationally defined and interpreted the concept of diaspora and transnational space. We present the key features of classic and contemporary diasporas. Diaspora are considered as one of the most organized varieties of transnational communities.

Key words: diaspora, ethnosocial group, a transnational space, national identity, migration.

Bibliography:

1. Ardashkin, I.B. Social problems Good Ethnic Relations: Manual. – Tomsk: Tomsk. TPU, 2002. 125 s.
2. Harutyunyan, Y. etc. Ethnosociology: The past and new horizons // Sotsiss. – 2000.. – №4. – S. 11 – 22.
3. Gumilev, L.N. Ethnogenesis and the Biosphere. Moscow: Nauka. – 1997. 296 pp.
4. Diatlov, V.I. Diaspora: An attempt to define in terms of // Diaspora. 1999. – №1. – С. 8-23.
5. Kazmin, OE, Tufts PI Fundamentals etnodemografii. Moscow, 1997.
6. Lausanne, ED Ethnic groups and lobbying in the United States. On the prospects of the Russian lobby in America. Moscow, 2004. – 272.
7. Markhinin, V.V., UDALOVA I.K. Inter-ethnic community: the state, the dynamics of the interaction of cultures. Novosibirsk, 1996.
8. Military, S.A. The content of the term «diaspora» (the development of a definition) // Diaspora. 1999. Number 1. Pp. 24-33.
9. Sikevich, Z.V. Sociology and psychology of ethnic relations. Textbook. SPb., 1999.
10. Sukharev, V.A., Sukharev M.V. psychology of peoples and nations. Dnepropetrovsk, 1997.
11. Попков, В.Д. The phenomenon of ethnic diasporas. Moscow: INFRA-M. – 2003. 654 s.
12. Tishkov, V.A. Historical phenomenon of diaspora // Ethnographic Review. – 2009. – №2. – С. 43-63.
13. Tishkov, V.A. Conference in Moscow, «Russian Diaspora in XIX – XX centuries.: Survival or extinction?» (20-21 April 1999) // Diaspora. 1999., №2-3.
14. Toshchenko, J.T., Chaptykova T.I. Diaspora as an object of sociological research // Sociological Research. – 1996. – №12. – С. 33-42.
15. Shpet G.G. Introduction to Ethnic Psychology. SPb.: Science. – 1996. 296 p.
16. Dabag M., Platt K. Diasporas und kollektive Gedächtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // Identitäten der Fremde / M. Dabag, K. Platt (Hg.). Bochum, 1993. S. 131.
17. Cohen, R. Global Diasporas: An introduction. L., 1997. P. 228.
18. Faist, Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford, 2000. P. 380.
19. Safran, W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. – 1991. – V. 1 – №1. – P. 148 – 235.